

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.7>

UDC 316.7:39(=511.131)(045)
LBC 60.546.22-3

Submitted: 16.08.2022
Accepted: 05.12.2022

THE SOCIAL CONDITIONS OF PRESERVATION OF TRADITIONAL RITUALS AND ANTIQUES IN RURAL COMMUNITIES OF NORTH UDMURTTIA

Tatiana A. Vlasova

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Abstract. This article deals with the perception of folk traditions among modern rural residents. In the last few years, the interest in ethnic culture is represented by changes in attitude towards the material culture and rituals, which are perceived as the manifestation of tradition. Following the change in modern country lifestyle, the practices which regulate the everyday routine change as well. The main research goal was to specify how rural residents incorporate things and rituals they see as traditional into their modern way of life. The empiric base of the research consists of survey data (n = 453) and semi-structured interviews (n = 36) from Debyosy, Igra and Kez districts of the Udmurt Republic. Results showed that traditional goods are preserved as the part of family memorial practices, and they are being recognized as things connected to the Udmurt culture in families with Udmurt ethnic identity. The drive to preserve the rituals develops in villages where the ethnic celebrations ensure the legacy transfer between generations. The pivotal role in preservation of rituals belongs to the replication of traditional rural activities, and their disappearance leads to abandonment of rituals. It also leads to the abandonment of ritualistic actions in daily life and communication. The activities of cultural centers where the folk rites become the part of scene performance help to inform about the ethnic traditions in their “invented” form. Such actions aren’t fictional in their nature because they serve as a basis for familial, friendly, and neighborly communication. Traditional rituals and household things in their modernized form then become the foundation of ethnic identity.

Key words: Ethnic groups, Traditional culture, Invention of the tradition, Rituals, Material heritage.

Citation. Vlasova T.A. The Social Conditions of Preservation of Traditional Rituals and Antiques in Rural Communities of North Udmurtia. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 70-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.7>

УДК 316.7:39(=511.131)(045)
ББК 60.546.22-3

Дата поступления статьи: 16.08.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРЯДОВ И СТАРИННЫХ ВЕЩЕЙ В СЕЛАХ НА СЕВЕРЕ УДМУРТИИ

Татьяна Анатольевна Власова

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются представления современных сельских жителей о народных традициях. В последние годы интерес к этнической культуре выражается в стремлении сохранить материальную культуру и обряды, в которых представители этноса и ученые видят воплощение исторической традиции. Вместе с изменением стиля жизни в современной деревне трансформируются практики, регламентирующие жизненный цикл людей и их повседневность. Цель исследования состояла в уточнении способов, каким сельские жители включают в современный образ жизни предметы и обряды, которые они сами считают традиционными и народными. В качестве эмпирической базы исследования использованы данные опроса (n = 453) и полуструктурированных интервью (n = 36), проведенных в Дебёском, Игринском и Кезском районах Удмуртской Республики. В результате изучения установлено, что предметы народного быта сохраняются как часть семейных мемориальных практик, а также осознаются как вещи, соотносящиеся с удмуртской культурой, если члены семьи имеют этническую идентичность. Установка на сохранение обрядов формируется в деревнях, где с помощью этнических праздников и мероприятий обеспечивается преемственность между старшим и млад-

шим поколением. Для сохранения обрядов решающее значение имеет воспроизводство традиционных крестьянских видов деятельности. Исчезновение практик приводит к отказу от обрядовых действий в быту и обыденной коммуникации. Деятельность домов культуры, где народные обряды становятся частью сценического перформанса, способствуют трансляции этнической традиции в «изобретенной» форме. Такие обрядовые действия не являются фикцией, поскольку становятся основой для семейной, дружеской и соседской коммуникации. Обрядовые практики в современной интерпретации и материальные предметы, включенные в современный быт, становятся основой для конструирования этнической идентичности.

Ключевые слова: этнические группы, традиционная культура, изобретение традиции, обряды, материальное наследие.

Цитирование. Власова Т. А. Социальные условия сохранения традиционных обрядов и старинных вещей в селах на севере Удмуртии // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 70–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.7>

Введение

2022 год был объявлен годом культурного наследия, что свидетельствует о внимании органов власти к проблемам его сохранения. В то же время продолжается дискуссия о формах поддержки этнической культуры в регионах. Практическая проблема является отражением академических дебатов о том, что следует включать в число проявлений народной культуры, а что – нет. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы описать современные практики, которые жителями удмуртских сел осознаются как «народные» и «традиционные». Опираясь на конструктивистскую парадигму, исследование предполагало совмещение концепта изобретения традиции с методами этнографического описания современной сельской культуры. Такая исследовательская установка позволила понять принципы совмещения институционально признанных форм народной культуры и бытовых практик. В настоящей статье рассматриваются трансформации вещной среды и обрядовых практик в современной деревне. В статье выделено четыре раздела: в первом обосновывается применение концепции изобретения традиции, во втором – описывается методология исследования. В третьем разделе рассматривается проблема взаимосвязи предметного мира и обрядовых практик, как она понимается жителями села. В четвертом разделе представляется возможность рассмотреть эту взаимосвязь на примере разных обрядов, сохранившихся в деревнях на севере Удмуртии.

Методология исследования

Материалы исследования были собраны в трех районах Удмуртской Республики (Де-

бёсском, Игринском, Кезском). Районы были выбраны на основании того, что учреждения этих районов стали участниками проекта «Хранители», поддержанного Фондом президентских грантов. В тоже время все три района граничат друг с другом и образуют культурно-этническую область, связанную с традицией северных удмуртов. Кроме удмуртской культуры в Кезском районе сохранились элементы старообрядческой (кержацкой) культуры. В рамках настоящего исследования нас интересовали нарративы, сложившиеся вокруг практик, которые информанты осознавали в качестве народной традиции.

В феврале-марте 2021 года был проведен опрос. По данным переписи 2010 года в Дебёсском районе проживало 12 665 человек, в Игринском – 17 457, в Кезском – 22 911. Во всех трех районах было собрано примерно равное количество анкет: 145 – в Дебёсском районе, 162 – в Игринском районе, 146 – в Кезском районе. Всего в опросе приняли участие 453 респондента. Выборка стихийная с точкой входа через сотрудников учреждений культуры. Респонденты в той или мере были связаны с работой этих учреждений.

С 17 мая по 6 июля 2021 г. была проведена серия интервью с работниками домов культуры, которые руководят работой фольклорных ансамблей, участниками фольклорных коллективов, а также с жителями села и районных центров трех районов (Дебёсский, Игринский, Кезский). В каждом из трех районов было собрано по 12 интервью, всего – 36 интервью. В каждом районе на долю работников учреждений культуры приходится четыре-пять интервью, то есть не более одной трети. Жители, не задействованные в работе учреждений культуры, были отобраны для уча-

ствия в исследовании на основании их желания, выраженного в ходе опроса, проводившегося на первом этапе исследования. Среди информантов были люди, в разной степени интегрированные в этническую или локальную культуру. В интервью обсуждалась тема сохранения культурного наследия, связанного с семьей, этнической идентичностью и локальным контекстом. Более детально рассматривались вопросы общения на удмуртском языке, сохранения объектов материального наследия в повседневных практиках.

Теория «изобретения традиции» и процесс культурных изменений

Связь этнической традиции с сельским образом жизни стала тавтологией и, как следствие, чаще всего несет в себе комплекс стереотипных суждений. С одной стороны, противопоставление города и села по-прежнему имеет свои основания. Несмотря на унификацию образа жизни и бытовых условий, остаются различия, которые проходят по линии урбанизации. В. Куренной отмечает тенденции, согласно которым люди из пространств «с низкой современной мобильностью» стремятся к универсальным продуктам глобальной цивилизации, которая понимается как престижная. Напротив, горожане ценят «локальную историческую аутентичность», включая еду и напитки, которые понимаются как экзотика. Именно в городах скапливаются рестораны традиционной кухни и музеи [Куренной 2017, 28]. Такая трактовка представляется несколько упрощенной. Бытовая среда сельских жителей не стала идентичной городскому образу жизни. Некоторые бытовые предметы используются так же, как несколько десятилетий назад. Вместе с тем приходит понимание, что предметы, практики, обряды являются артефактами личной и семейной памяти, а также эстетическими элементами оформления сельского дома. Использование культурных артефактов и практик в современной сельской среде необходимо трактовать не как актуальную традицию, а в качестве действий, которые ее являются «изобретением».

В рамках ставшей уже классической концепции Э. Хобсбаума подчеркивается, что

«изобретенная традиция» всегда представляет собой сочетание общественно значимых практик и комплекса действий по их ритуализации, а также придания им символического характера [Hobsbawm 1983, 4]. «Изобретенная традиция» противопоставляется обычаю, взятому в значении рутинной практики. Обычные практики не нуждаются в подкреплении традицией, они поддерживаются регулярными действиями, выполняемыми по правилам, известным всем. Поэтому попытки изобрести традицию сами по себе указывают на разрыв. Связь таких традиций с историческим прошлым – фиктивная, но это не означает, что она бессмысленная. Так, с помощью «изобретенной традиции» происходит внедрение определенных ценностей и норм поведения, а посредством повторения разрабатываются эмоционально и символически заряжающие знаки, которые придают общности, изобретающей некую традицию, уникальность и отличие от других.

Некоторые из положений теории Э. Хобсбаума получили дальнейшее развитие. Термин «конструирование» и «изобретение» близки. Начинает казаться, что все культурные феномены изобретены, или, наоборот, возникает сомнение, может ли что-то изобретаться абсолютно заново. Г. Десаи подчеркивает значение научных исследований, проведенных представителями культуры. При сравнении внутренних и внешних исследовательских перспектив становится очевидно, что научное обоснование является исходным пунктом проблемы политического представительства на муниципальном или региональном уровне власти [Desai 1993, 131]. Интеллектуальные споры и политические дебаты являются результатом двух публичных дискурсов: западный мир стремится справиться с изменениями, связанными с модернизацией, а западный – оправдать колониальные и империалистические установки. Со стороны меньшинственных групп создаются нарративы, репрезентирующие опыт общности перед лицом доминирования. Один из способов – рассказывание историй, другой – пение, коммунальные практики, использование предметов быта.

В отечественной социологии применение конструктивистского подхода также привело

к формулировке задач разграничения «настоящих» и «изобретенных» традиций [Свистунов 2018; Рахинский и др. 2021]. Но более продуктивным фокусом академической дискуссии оказался вопрос о том, какие акторы и с помощью каких инструментов работают на изобретение традиции [Малахов 2018, 238]. В отечественной социологии концепция изобретения традиции нашла применение в дискуссиях об идеологическом обосновании политических институтов [Ссорин-Чайков 2011; Макашова 2013; Кирчанов 2020] и значимых символов, служивших основой для государственной и региональной идентичности. Анализ кейсов сосредоточен вокруг использования изобретенных традиций во взаимодействии органов власти и социальных институтов, прежде всего в регионах [Тэзич 2011; Хлынина 2013; Озерова 2018].

В ряде исследовательских работ изучается бытование изобретенной традиции. Можно предполагать, что «уход» на уровень конкретных практик позволяет избежать обсуждения проблем политического доминирования. Хотя вопрос о поддержке властей все равно возникает. Так, описание традиции изготовления ковров в Гагаузии трактуется как точка пересечения академических исследований, экономического обоснования доходов от продажи сувениров, поддержки со стороны властей автономии [Никогло 2019]. На примере гагаузских ковров открывается возможность для осмысления степени и характера вовлеченности различных акторов: жителей конкретной местности, туристов, коммерческих и бюджетных организаций, представителей местной власти.

В основном корпусе работ, посвященных практике «изобретения традиции», анализируются изменения народной культуры, которые обусловлены использованием современного формата перформансов. Фестивали и массовые праздники формируют различные модусы национальной, этнической и персональной идентичности [Euerman 2004; Fox 2006; Ruane 2017]. Успешной оказывается работа с нематериальным наследием, в частности, народной музыкой и пением [Ajotikar, van Straaten 2021; Wrazen 2010]. Перформативные способы представления этнической культуры также делают востребованной материальную культуру как воплощение повседневной жизни

людей, принадлежащих к «истинной традиции». Это укладывается в логику маркизации и коммерциализации вещного мира [Geng 1997; Oberholtzer 1995; Schnell 2003].

Эмпирические исследования в разных странах мира позволяют предположить, что в настоящее время категории культуры определяются извне этой культуры теми, кто представляет академическое поле, теми, кто реализует бизнес- и маркетинг-стратегии, и теми, кто организует перформансы и мероприятия с этническим контентом. Среди аудитории также есть внешние для культуры люди, включая туристов, и есть те, кто внутри культуры. Все категории акторов по-своему интерпретируют содержание и характер того, что они считают народной культурой. З. Стротхер предполагает, что фактор открытости для интерпретаций сближает народную и популярную культуру [Strother 1995, 29], что позволяет анализировать оба феномена с точки зрения изменчивости, а не статичности. Возможность собственной интерпретации дает увидеть коллективную работу в ходе создания и репликации символического продукта. Такой подход снимает противопоставление городской и сельской культуры и открывает другие возможности для аналитического сопоставления. В частности, новые элементы народной культуры, которые «изобретены», можно понять, если принять позицию, что они сформировались после того, как основные культурные категории уже описаны [Kuligowski 2014, 325]. Поэтому «подлинно народные» традиции исследователи относят к началу XX века, когда происходил активный прирост этнографических описаний народов России. С появлением технологических новшеств элементы традиции охраняются особенно тщательно. Ведется «работа с наследием», включающая объяснения и перформансы, а также маркетинг. Полученный результат должен свидетельствовать о том, что миноритарная традиция жива и отличается от доминирующей культуры.

Вещи и предметы в сельской повседневности

Материалы исследования позволили установить, что этническая традиция осознается жителями села как совокупность элемен-

тов материальной и нематериальной культуры. Данные опроса показывают, что наибольшей устойчивостью характеризуется песенная культура. О том, что в домашней традиции сохранились песни на родном языке, сообщили 47,4 % ответивших. Другим важным аспектом семейной памяти являются частные истории (39,6 %), вероятно, благодаря их коммуникативной функции и включению в процесс домашнего общения. Реже сохраняются традиционные предметы быта (29,2 %), так как в течение длительного времени не формировалась установка сохранения исторических предметов в семье. Лишь небольшая часть респондентов сообщила о сохранении народной одежды (9,2 %) и народных сказок (8,5 %). Эти элементы в большей степени музеефицированы и перестали воспроизводиться в обычных взаимодействиях. 20,9 % участников исследования заявили, что в семье не сохранилось никаких элементов традиционной культуры (рис. 1).

Материалы интервью позволили увидеть более сложную картину сохранения предметов, практик и обрядности. В частности, многие информанты смогли назвать старинные предметы или вещи, хранящиеся в их собственном доме, которые они связывали с народной традицией. Молодые участники исследования рассказывали о предметах, которые есть у родителей или родственников. Чаще всего информанты сообщали об оставшихся от бабушек предметах одежды (юбка, рубашка, платье) или целом костюме (9)¹. Кроме того, в семьях хранятся самотканые полотенца (8) и самодельные половики (8). Все эти вещи удобно хранить. Некоторые информанты продолжают использовать сундуки (7), так как они сохранили свою функцию. Информан-

ты описывали большие сундуки, куда они складывают зимнюю одежду, и маленькие для мелких предметов. Похожим образом функциональной остается посуда. Информанты упоминали глиняную и деревянную посуду (6). В домохозяйствах продолжают использовать маслобойки, среди которых есть как унаследованные от старших членов семьи, так и новоделы (Инт. 24, 30). В обоих случаях маслобойки рассматриваются участниками исследования как вещи, относящиеся к традиционной культуре. Другим предметом, воспринимающимся как безусловно старинный, является ткацкий станок (4), хотя обычно он находится в нерабочем состоянии. В единичных интервью упоминались прялки (3), веретена (2), берестяные изделия (2), кадушка или бочонок для изготовления наливки, самодельная мебель (шкаф, стол, комод), чугунные утюги (2), ухват, коромысло, кочерга, лапти. Информанты упоминали вещи, которые в настоящее время реже используются, но являются обычными для деревенского хозяйства: скалка, доска для раскатки теста, корзинки, валенки.

Некоторые вещи определяются участниками исследования как предметы, которые просто «остались на память», хотя информанты испытывали импульс, чтобы перечислить их в ответ на вопрос исследователя. К таким относились простыни с подзорами, керосиновый фонарь, старые ворота. Случалось, что вещи были связаны с ремеслом членов семьи, например, сапожный инструмент деда (Инт. 20), корзины и короба, которые сделал отец (Инт. 18). Информанты подчеркивали эмоциональную связь с этими родственниками. Например, молодой человек сообщил о гитаре, браслете и фотопроекторе отца (Инт. 28), а

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о сохранившихся элементах традиционной культуры

молодая сотрудница дома культуры – о бабушкиной вышитой скатерти (Инт. 22). Тогда важно было не соотнесение предметов с этнической традицией, а рассказ о родственных чувствах и порядке наследования. С другой стороны, один из достаточно распространенных сюжетов интервью – это сожаления об уже утраченных вещах. Пожилые информанты рассказывали, что некоторые вещи еще в послевоенные годы отдавали в обмен на продукты (Инт. 1, 32). Кроме того, случалась утрата имущества семьи в результате пожара (Инт. 1, 17), либо старинные предметы оставляли в проданных домах (Инт. 11, 18, 26, 28). Молодые сотрудницы домов культуры замечали, что в домах их бабушек хранилось довольно много старинных вещей, что стало для них существенной помощью во время учебы в школе и университете (Инт. 2, 12). С другой стороны, некоторые информанты описывали свои практики хранения как установку «ничего не выбрасывать» (Инт. 20, 30), что становилось для них своеобразной стратегией домашней музеефикации. Поскольку значительную долю выборки составляли сотрудники учреждений культуры, они участвовали в комплектовании фондов локальных музеев. Как правило, их собственные семейные вещи передавались в музеи (Инт. 8, 11, 13, 15, 24). Одной из информантов, чье фермерское хозяйство располагалось на земле заброшенной деревни, удалось сформировать частный музей из собранных в оставленных домах вещей (Инт. 7).

В материалах интервью нашли отражение два нарратива. В рамках одного из них описывается переход от вещного мира традиционной крестьянской избы к универсальным образцам устройства быта в послевоенные десятилетия:

Лавки были вот такие толщиной, сантиметров 10–15. И в углах там и посередине еще вот такие ножки. Ну сильные они были, сильные. Полати были, спали на полатах. Ну вот спать даже никакой мебели не было. Вот мы на полатах. (...) А я уже замуж вышла, тоже хоть в натуральную кержацкую семью, но там уже вот этих лавок не было. Были уже койки. Вот первые пошли... (Инт. 3)

Другая тенденция, обнаруженная в ходе исследования, но пока не очень распростра-

ненная, – это желание приобрести бытовые вещи, которые восполнят утрату аутентичных вещей. Те информанты, которые являются участниками хоровых коллективов или работают в учреждениях культуры (они часто тоже имеют опыт выступлений), имеют сценические костюмы (Инт. 1, 2, 7, 8, 9, 10, 13, 15, 17, 22, 25, 28, 32, 35, 36). Но имеет место осознание того, что сценический костюм – это продукт современных визуальных конвенций относительно того, что в выступлении видит зритель и что способен шить современный мастер по костюмам. Поэтому информанты сообщали о желании сшить «настоящее» удмуртское или старообрядческое платье (Инт. 3, 6, 30, 35). Молодые женщины сообщали, что они с удовольствием покупают вещи «с удмуртским колоритом»: одежду и сумки с удмуртским орнаментом, стилизованные украшения, корзины, посуду (Инт. 12, 29, 30, 35). Они также ценят мероприятия, включающие объяснение семантики этнического орнамента и костюма (Инт. 29). Информанты старшего поколения чаще говорили о приобретении деревянной посуды в качестве сувениров и половиков для повседневного использования (Инт. 36). Выяснилось, что в деревнях ценятся мастерицы, которые умеет ткать или вязать самодельные половики. В двух интервью участники исследования делились идеей организации в доме комнаты или «уголка» с элементами традиционного быта (Инт. 6, 30).

Предметный мир, который ассоциируется у участников исследования с традиционной или старообрядческой культурой, сохраняется под влиянием трех факторов. Во-первых, сельские жители берегут вещи, имеющие значение с точки зрения биографической и семейной памяти. Во-вторых, предметы могут использоваться в цикле обрядовых событий. В-третьих, вещи и предметы с этническим колоритом становятся частью модернизированного эстетического запроса, связанного с ностальгией по прошлому.

Трансформация обрядов

Трансляция элементов традиции наиболее успешна в условиях, когда институционально выработанные механизмы, в частности, деятельность учреждений культуры, сочета-

ются с повседневными практиками. Это предположение подтверждается с помощью сравнения ответов на вопрос о том, какие практики сохраняются, а какие – нет. На этапе планирования опроса предполагалось, что при сопоставлении «в прошлом» и «сейчас» все обряды будут сокращать масштаб своей распространенности. Гипотеза подтвердилась в отношении почти всех элементов традиционной культуры (рис. 2). Больше других сократилась распространенность обрядов, связанных с домашними животными. 35,8 % респондентов говорили о том, что они были в прошлом, но только 19,7 % – о том, что обряды сохранились в настоящее время. То же касается языческих обрядов: 21 % ответивших сообщили, что такие обряды в их семье были раньше, но лишь 7,6 % – что они существуют сейчас. Эти практики в наименьшей степени представлены в репертуаре сельских организаций культуры. Хотя они могут демонстрироваться туристам. Единственным исключением является приготовление традиционных блюд, которые в настоящее время готовят чаще (91,4 % респондентов), чем раньше (85,4 % респондентов). Благодаря устоявшимся представлениям, транслируемым в учреждениях культуры и в СМИ, приготовление распространенных блюд стало маркироваться как часть народной традиции. Это касается не только удмуртской кухни, но и русской, татарской.

В рамках интервью участники исследования следовали списку блюд, широко тиражируемому в качестве удмуртских, или шире, неродных: перепечи ², табани ³, шаньги ⁴, пель-

мени (Инт. 12, 15, 21, 27, 31). Люди старшего возраста вспоминали пищу, которая составляла основу крестьянского рациона в послевоенные годы: варенча ⁵ из свеклы (Инт. 1), холодный суп из хрена, супы из сныти, крапивы, борщевика (Инт. 20), овощной суп капустника (Инт. 3), заваруха ⁶ (сежьяпызь), гороховые шарики – кожыпог (Инт. 1, 27, 30), пироги с калиной, рябиной, брюквой (местное название – калега), потрохами (Инт. 27). Значительно реже информанты сообщали о практиках приготовления пива (сур) (Инт. 21, 28, 33). В интервью упоминались и крепкие алкогольные напитки, которые были распространены в деревнях. Но никто из информантов не говорил, что самогонование было в их семье.

Отметим, что о пище, которая в настоящее время почти исчезла, чаще всего вспоминали в Кезском районе, где в большей мере сохранились старообрядческие традиции. При этом даже информанты среднего возраста признавались, что в их детские годы такую еду в семье уже не готовили, а их собственные дети «не застали живую традицию» (Инт. 10). Для детей и молодежи «народные» блюда ассоциируются с пищей, приготовленной в крестьянской печи (Инт. 12). Многими участниками исследования транслируется установка, что еда в деревне «натуральная» и даже мука «другая, вкусная» (Инт. 15).

В интервью преобладает нарратив трансформации деревенских обрядов в семейные праздники. Большинство обрядов предполагали совместную трапезу, превратившуюся в семейное застолье. Часть информантов, перечисляя традиционные блюда, пере-

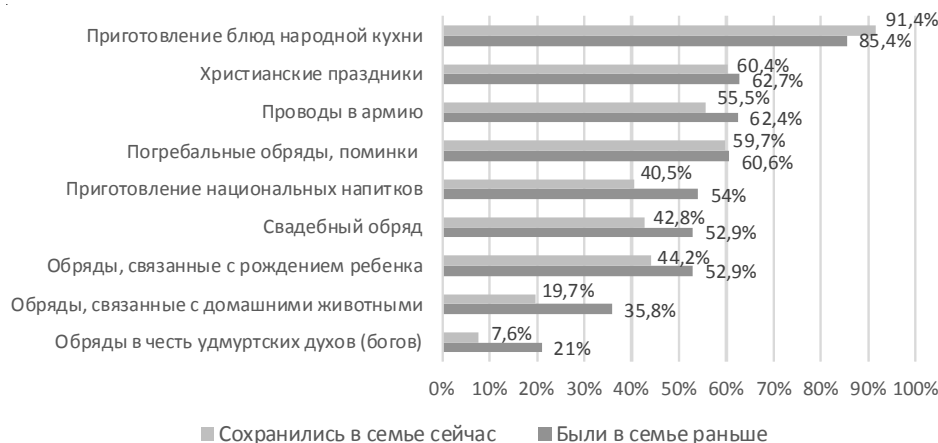

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о динамике сохранения обрядов в сельских семьях

ходили на описания того, что обычно готовится в семье по праздникам: рыбный пирог, салаты, блины (Инт. 11, 15). Складывается новая традиция, которая, помимо фокусировки на любимых в семье блюдах, демонстрирует тенденцию перехода на универсальную кухню. Тем не менее информанты рассказывали о случаях, когда они делали выбор в пользу деревенских блюд:

А свой юбилей я справляла в клубе. Неделю посуду возила, потом вторую неделю уже готовила столы. (...) Что вот мне, да в кафе? (...) Вот говорят: «Ж:ук – жо:к возьмась», это значит «каша охраняет стол». Как это без каши? В первую очередь каша. И что мужики салаты, что ли, будут есть? А каша энергию дает, потом уже салат (Инт. 13).

В этом отрывке отчетливо проявляется эффект обратного перехода от семейного праздника к общедеревенскому событию. Количество и состав гостей предполагает изменения в праздничном меню, что, в свою очередь, показывает, что набор традиционных блюд объясняется прагматикой: необходимо накормить всю деревню.

Данные опроса показывают, что в семьях респондентов-удмуртов чаще, чем у русских, сохраняются обряды и традиции, как в прошлом, так и в настоящее время (табл. 1). То, что закономерность касается и христианских праздников, заставляет предположить, что таким образом проявляется осознание стилистического единства представлений о народной культуре. Элементы, которые в доминирующей культуре рассматриваются как

гетерогенные, в удмуртской культуре приобретают стилистическое единство.

Материалы интервью позволяют соотнести содержание обрядовых действий и характер влияния универсального стиля жизни. Обряды, связанные с рождением ребенка, принадлежат к числу тех, в которых модернизационные тенденции проявляются достаточно явным образом. В сельской местности сохраняется обряд смотрин новорожденного («каша» или «кашка»). Судя по рассказам информантов, в настоящее время он превращается в чисто семейное событие. О том, что такой обряд проводился для их собственных детей, сообщили две женщины (Инт. 30, 35), замечая при этом, что многие их сверстники были удивлены тем, что они решили устроить такое событие. В то же время информанты упоминали о принятых в сельской среде манипуляциях с новорожденным, например, выведение «щетинки» в бане, которую топят три дня подряд (Инт. 32, 33). Те участники исследования, которые самостоятельно собирали этнографический материал в рамках профессиональной деятельности, фиксировали локальные обряды, имевшие место в конкретных деревнях. Так, в Дебёсском районе фиксировался обряд, имевший отношение к лечебной магии: мать делала вид, что выбрасывает часто болеющего ребенка вместе с мусором. Считалось, что тогда здоровье ребенка станет крепче (Инт. 18). Сама информант не могла утверждать, что этот обычай существует по сей день. Вероятно, ряд практик имеет очень ограниченное распространение, а молодые родители относятся к ним как к этнической экзотике.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о бытовавших раньше и сохранившихся в настоящее время обрядах и традициях в соотношении с этнической идентичностью респондентов, %

Традиции / обряды	Было раньше		Сохранились сейчас	
	удмурты	русские	удмурты	русские
Приготовление блюд народной кухни	87,9	70,6	93,6	76,9
Приготовление национальных напитков	56,7	45,1	41,9	30,8
Обряды, связанные с рождением ребенка	56,1	31,4	46,3	36,5
Свадебный обряд	55	47,1	45,6	36,5
Погребальные обряды, поминки	65,4	37,3	63,1	42,3
Проводы в армию	65,1	49	59,4	42,3
Обряды, связанные с домашними животными	39,4	19,6	22,5	11,5
Обряды в честь удмуртских духов (богов)	21,8	5,9	9,1	0
Христианские праздники	62,3	58,8	60,4	57,7

Более подробно информанты описывали свадебные обряды. Главная граница, которая очерчивалась в нарративах – это разделение «настоящей деревенской» свадьбы и «городской» церемонии. Признаком аутентичной свадебной традиции считалось двух-трехдневное застолье (Инт. 32, 36). Многие информанты вспоминали выкуп невесты (Инт. 15, 21, 22), обычай оценивать приданое невесты (Инт. 16, 24), приготовление традиционных блюд, принудительное купание гостей в речке (Инт. 35), переезд молодой пары из деревни невесты в деревню жениха (Инт. 36), испытания для невесты, включающие хозяйственные задания (Инт. 15). Традиционный обряд обеспечивал участие всех жителей: так, пара и гости переходили из дома в дом (Инт. 21). Общим нарративным элементом была констатация факта о том, что старинные свадьбы были интересные, а современные свадьбы стали однообразными.

Еще одним распространенным мотивом, характерным для свадебных обрядов, является рассказ о роли представителей старшего поколения в трансляции свадебных обрядов (Инт. 19, 25, 36). Старики, с одной стороны, контролируют соблюдение неписанных правил, с другой – выступают своеобразными режиссерами свадебной церемонии:

Мы приехали сюда с моими крестными. Тут были у нее крестные, дед и бабушки. (...) Нас гоняли, на подушки посадили. Все, не встаем, целый вечер сидим. Они нас до утра на этих подушках держали. Что-то говорили, что-то пели, какие-то песни. Не помню, чего даже они пели (Инт. 28).

Если в ходе свадебных обрядов инициатива принадлежала скорее старшим женщинам, другой важный обряд – проводы в армию – находился в ведении мужчин. Наряду со свадьбой рекрутские обряды становились для информантов «точкой притяжения» их воспоминаний. В качестве основных элементов обряда выступали перемещения новобранца и его друзей из дома в дом. Этот путь сопровождался песнями. Мужчины, которые работали в домах культуры и обычно имели гармонь или баян, были ключевыми участниками этой части обряда (Инт. 17, 19, 21, 28, 29, 35, 36). Еще одним важным элементом обряда была практика «забивания чук»: в мати-

цу⁷ дома забивалась лента, бумажная купюра и монета. В то же время информанты-мужчины подчеркивали, что с изменением конструкции сельских домов, где отсутствует матица, эта часть обряда быстро исчезла (Инт. 19, 28, 36). При этом участники исследования рассказывали об уникальных обычаях, имевших место в конкретных деревнях. Так, если в этнографических описаниях рекрутских обрядов подчеркивается, что новобранцу нельзя возвращаться, в деревне Игринского района полагалось сделать вид, будто молодой человек забыл свой головной убор, и намеренно вернуться в дом (Инт. 29). Основной причиной трансформации рекрутских обрядов следует считать изменение характера соседских отношений в современной деревне: *тогда это была традиция, а сейчас уже такое время, наверное, к любому не зайдешь* (Инт. 19). Полностью рекрутские обряды не исчезли, но, как и свадьбы, они ориентированы на ближайших друзей и родню.

В течение последних двадцати лет репрессансы переживают религиозные обряды. Христианские праздники, в частности, Пасха вспоминается пожилыми информантами как значимое деревенское событие. В советский период пасхальные обычаи соблюдались, хотя вне официального пространства. Участники исследования рассказывали о практиках хождения в гости, застолья и обмена крашеными яйцами. Прежде было принято, что на Пасху крестные делали подарки своим крестникам. Одна из информантов из Дебёсского района сообщила, что крестная дарила ей платя (Инт. 24). Большое количество воспоминаний касалось святочных ряженых. Для самих информантов были очевидны локальные различия обряда (Инт. 20, 24), обряд даже назывался по-разному. Так, в Игринском районе участники исследования использовали местное слово «нарядчики» (Инт. 29). Можно констатировать, что святочная обрядность, во-первых, не имеет строгой регламентации, во-вторых, не подвергалась ограничениям даже в советский период, и в-третьих, может быть организована в школах и домах культуры. Учителя вспоминали, что ходили ряжеными со своими учениками (Инт. 24). Руководители фольклорных ансамблей при домах культуры рассказывали, что инициировали хожде-

ние ряженных по домам, даже если в сложившейся обрядности деревни это прежде не практиковалось (Инт. 10). Ряжение хорошо укладывалось в логику возрождения традиционных обрядов, потому что, с одной стороны, сельские жители ощущали его связь с народными праздничными гуляниями, а с другой – оно соответствовало представлениям о мероприятии, в котором могла участвовать аудитория сельских домов культуры, прежде всего школьники и пенсионеры. Обряд с ряжеными легко трансформировался в семейную традицию и в пункт календарного плана работы учреждений культуры (Инт. 35).

Опрос показал широкое распространение погребальных обрядов, но из-за табуированности темы информанты мало говорили о них. Подробности старинного обряда описывались в одном из интервью (Инт. 32). Но общим нарративом был рассказ о том, что родня собирается в деревне на Троицу, обычно для посещения кладбища в родительскую субботу (Инт. 5, 6, 34). В одном из интервью встречается рассказ о противопоставлении посещения кладбища и участия в церковных службах:

Я понимаю эту церковь, я принимаю ее, я могу и помолиться, но у себя дома. Бабушка, у мамы сестра родная, сказала: «Доченька, в церковь не ходите, на кладбище вот ходите каждый раз. Вот на поминки не оставляйте». И еще суббота, говорит, считается родительский день. Каждый раз утром в субботу, там столик, говорит, накройте и помолитесь. И вот мы вот так это сделали хорошо, так это всегда все перед каждым праздником, скажем, и у родителей и у детей тоже, и в субботу вот это обязательно. Вот такое благословение (Инт. 20).

В этом и нескольких других интервью проявляются разрывы мировоззрения сельского населения, которые появились из-за влияния секуляризации советского времени в сочетании с укреплением влияния церкви в последние десятилетия.

Сокращение количества скота в современных домохозяйствах привело к исчезновению обрядов, связанных с его содержанием. Хотя информанты старшего возраста вспоминали об угощениях всем, кто приходил по-

могать в сезон забоя скота (Инт. 3, 10, 24, 32, 36). Более молодые информанты, чье детство прошло в старообрядческих деревнях, рассказывали о поверьях, сопутствующих рождению телят: детям предлагали пить много кваса или молока, чтобы теленок хорошо пил, также в день отела запрещалось отдавать что-либо из избы (Инт. 10).

В удмуртских деревнях сохранились практики, относящиеся к празднику окончания сева (Гырон-быдтон). Праздник широко отмечался в советскую эпоху, и часто проводится в настоящее время (Инт. 21, 26, 34, 35, 36). В советскую эпоху праздник сохранялся благодаря идеологии прославления сельского труда. В нем сочетались официальные мероприятия в домах культуры (концерт, награждение передовиков) и обрядовые элементы. К последним относится совместное приготовление каши с мясом в том месте деревни (лог, лес, луг, берег реки), которое зачастую используется для общих религиозных собраний с дореволюционных времен (Инт. 36). В последние десятилетия четкой границы между официальной и неофициальной частями уже не проводится, так как общий обед тоже организуют сотрудники домов культуры. С размытием народной обрядности Гырон-быдтон используется как материал для сценической обработки (Инт. 34). Все обрядовое содержание праздника хорошо документировано в академических публикациях [Веретенникова, Метелева 2016, Шишкина 2021].

Сценическая постановка обрядов стала привычным элементом выступлений артистов фольклорных коллективов в последние два десятилетия. По воспоминаниям информантов, их собственные первые опыты театрализации обрядов относятся к концу 1990-х гг. (Инт. 13). Кроме Гырон-быдтон, для сценической постановки считаются подходящими описанные выше обычаи ряженных и проводов в армию (Инт. 35). Именно в рамках этих обрядов можно перейти от спектакля для зрителей к перфомансу со всеобщим участием. Информанты, которые имели такой опыт, подчеркивают, что перфоманс обычно организуется для детей и молодежи, чтобы обеспечить преемственность обряда (Инт. 13, 23, 24, 35). Одна из участниц исследования рассказывала о постановке обрядов, которые были

частью программы лагерной смены с этнической тематикой. Для руководителей этой образовательной программы также определяющее значение имела передача детям знания об обряде, чтобы они, в свою очередь, могли транслировать его в молодежную среду. Информант, которая была инициатором этнокультурной смены в детском лагере, сообщала, что после сценической постановки обряда воспитанники предпринимали попытки привнести обрядовые действия в деревенские мероприятия (Инт. 35).

Данные исследования подтверждают связь сохранившихся обрядов с прагматикой повседневной жизни. Сохраняются те обрядовые комплексы или их элементы, которые встроены в поле семейной или общинной коммуникации. Одним из условий воспроизводства обрядов становится деятельность «культурных активистов», иницирующих проведение обрядов в формате фольклорных праздников и мероприятий.

Выводы

Сельская местность остается пространством со специфическим стилем символического потребления благодаря сохранению удмуртского языка и других элементов традиционной культуры. Теория «изобретения традиции» раскрывает процессы воспроизводства культурной самобытности и этнической специфики. Наряду с нарративными формами, которые чаще являются объектом социологических исследований, имеет значение практический опыт. Существует убеждение, что пласт практического культурного опыта меньше контролируется политическими манипуляциями, чем комплекс дискурсивного знания. Предметный мир и обрядовые практики обеспечивают переход теоретического фокуса с исторической перспективы к социокультурному подходу, основанному на феномене наследия. Этот последний в исторических дисциплинах, этнологии и антропологии трактуется в категориях повседневной жизни, бытовых практик и конкретных действий.

В современной деревенской жизни старинные предметы и/или вещи с этническим колоритом представлены в трех формах. Во-первых, некоторые категории предметов по-прежнему

используются в быту регулярно или ситуативно. Во-вторых, в память о родственниках в семье хранятся одежда, бытовые предметы, посуда, хозяйственная утварь. В-третьих, формируется установка на приобретение вещей «под старину» в качестве элемента современного потребления.

В сельских семьях сохраняются бытовые навыки (приготовление пищи, использование хозяйственной утвари) и нарративные формы культуры (семейные истории). Масштаб распространения классических народных обрядов сокращается. Но сохраняются обрядовые элементы, включенные в различные биографические, семейные и бытовые практики. Фактором, способствующим трансляции полных комплексов обрядов или их элементов следующим поколениям, является воспроизводство семейных или соседских связей.

Распространение городского образа жизни приводит к превращению обрядов в сценические постановки, в которых местные жители не участвуют, а воспринимают их как эстетический опыт. Они также являются элементом, включенным в перформативные практики в рамках деятельности учреждений культуры. Поэтому в условиях, когда масштаб распространения обрядовой практики сокращается, сельские жители воспринимают сценические постановки с элементами народных обрядов на мероприятиях и сельских праздниках.

Список информантов:

Интервью 1 – жен., 68 лет, пенсионер, артистка хора.

Интервью 2 – жен., 28 лет, специалист по работе с молодежью, поет в хоре.

Интервью 3 – жен., 73 года, пенсионер, артистка хора.

Интервью 4 – муж., 38 лет, сотрудник ДК, художник.

Интервью 5 – муж., 32 года, участник любительского театра при ДК.

Интервью 6 – жен., 49 лет, библиотекарь детской библиотеки.

Интервью 7 – жен., 63 года, предприниматель, владелец туристического этнокомплекса.

Интервью 8 – жен., 56 лет, руководитель фольклорного ансамбля в ДК.

Интервью 9 – жен., 65 лет, руководитель фольклорного ансамбля в ДК.

Интервью 10 – жен., 43 года, руководитель фольклорного ансамбля в ДК.

Интервью 11 – жен., 49 лет, директор краеведческого музея.

Интервью 12 – жен., 25 лет, сотрудник ДК.

Интервью 13 – жен., 61 год, сотрудник ДК.

Интервью 14 – жен., 51 год, индивидуальный предприниматель.

Интервью 15 – жен., 70 лет, пенсионер, артистка хора.

Интервью 16 – жен., 70 лет, сотрудник филиала Дома Дружбы народов.

Интервью 17 – жен., 62 года, пенсионер, артистка хора.

Интервью 18 – жен., 60 лет, журналист районной газеты.

Интервью 19 – муж., 43 года, охранник школы.

Интервью 20 – жен., 61 год, пенсионер, активистка, депутат районного совета.

Интервью 21 – жен., 69 лет, сотрудник партийной общественной приемной.

Интервью 22 – жен., 45 лет, сотрудник ДК.

Интервью 23 – жен., 63 года, пенсионер.

Интервью 24 – жен., 61 год, сельский почтальон.

Интервью 25 – муж., 43 года, сотрудник ДК.

Интервью 26 – муж., 51 год, бывший сотрудник ДК.

Интервью 27 – жен., 62 года, пенсионер, председатель сельской ветеранской организации.

Интервью 28 – муж., 32 года, сотрудник ДК.

Интервью 29 – жен., 48 лет, директор сельского музея.

Интервью 30 – жен., 35 лет, руководитель детской волонтерской организации.

Интервью 31 – жен., 17 лет, волонтер дворца культуры.

Интервью 32 – жен., 85 лет., пенсионер, артистка хора.

Интервью 33 – жен., 67 лет, пенсионер, бывш. глава поселения.

Интервью 34 – муж, 31 год, сотрудник ДК.

Интервью 35 – жен., 42 года, сотрудник ДК.

Интервью 36 – коллективное интервью с артистами фольклорного ансамбля, три женщины и мужчина. Все информанты старше 65 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее цифра в скобках означает, сколько раз ответ встречался в материалах интервью.

² Перепеч – открытая ватрушка диаметром от 4 до 12 см с мясной, яичной, грибной или овощной начинкой, обычно заливаемой сверху яйцом.

³ Табани – пышные оладьи из кислого дрожжевого теста, выпекаемые на сковороде.

⁴ Шаньги – хлебобулочное изделие, распространенное у финно-угорских народов. Представляет собой вид ватрушки.

⁵ Варенча – суп на основе кваса.

⁶ Заваруха – крестьянское блюдо из муки и сахара.

⁷ Матица – брус, служащий основанием для потолка в избе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Веретенникова, Метелева 2016 – *Веретенникова М.Ю., Метелева М.А.* Содержание удмуртского национального летнего праздника Гербер // В мире научных открытий: материалы V Всерос. студ. науч. конф. Ульяновск: Ульян. гос. с.-х. акад. им. П.А. Столыпина, 2016. С. 66–68. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.205
- Кирчанов 2020 – *Кирчанов М.В.* «Арийский миф» как фронтирный случай изобретения традиций и исторического воображения незападных национализмов // Журнал Фронтирных Исследований. 2020. № 2. С. 122–157. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.205
- Куренной 2017 – *Куренной В.А.* Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города. М.: Strelka Press, 2017. С. 14–29.
- Макашова 2013 – *Макашова А.С.* Государственные праздники в истории культуры России и концепция «изобретения традиции» Э. Хобсбаума // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 4 (29). С. 114–118.
- Малахов 2018 – *Малахов В.С.* Изобретение традиции как мем и как черта социокультурной реальности: Эрик Хобсбаум и его соавторы в постсоветском контексте // Политика культуры. 2018. № 3 (119). С. 236–245.
- Никогло 2019 – *Никогло Д.Е.* Элементы материальной культуры гагаузов как источник для «изобретения» традиции // ABYSS (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2019. № 2 (8). С. 98–103.
- Озерова 2018 – *Озерова К.А.* Наследие Волжской Булгарии и региональная идентичность: политика памяти и «изобретение» традиций

- // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 2/2. С. 127–132. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132
- Рахинский и др. 2021 – *Рахинский Д.В., Илларионов Г.А., Городищева А.Н., Князев Н.А.* Инструментальный подход к традиции в концептуальном и общественном контекстах // Социодинамика. 2021. № 3. С. 1–11. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.3.35210
- Свиштунов 2018 – *Свиштунов А.В.* Изобретение и реконструкция традиции в современных обществах // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 5. С. 86–94.
- Ссорин-Чайков 2011 – *Ссорин-Чайков Н.В.* От изобретения традиции к этнографии государства: Подкаменная Тунгуска, 1920-е годы // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9, № 1. С. 7–44.
- Тэзич 2011 – *Тэзич М.Дж.* Конструирование национальной идентичности у народов Южной Сибири в период трансформации // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2011. Вып. 3. С. 293–298.
- Хлынина 2013 – *Хлынина Т.П.* Формирование советской национальной политики: между изобретением традиции и воображаемыми сообществами // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 83–95.
- Шишкина 2021 – *Шишкина Е.В.* Фестивали как современные способы сохранения и трансляции традиционной удмуртской культуры // Родной язык как фактор культурной идентичности: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ижевск: АУК УР “Национальная библиотека Удмуртской Республики”, 2021. С. 131–137.
- Ajotikar, van Straaten 2021 – *Ajotikar R., van Straaten E.-M.* Postcolonial Sound: Challenges and Potentials. An Introduction // The World of Music. 2021. № 10. P. 5–20.
- Briggs 1996 – *Briggs Ch.L.* The Politics of Discursive Authority in Research on the “Invention of Tradition” // Cultural Anthropology. Resisting Identities. 1996. Vol. 11, № 4. P. 435–469.
- Desai 1993 – *Desai G.* The Invention of Invention // Cultural Critique. 1993. № 24. P. 119–142.
- Eyerman 2004 – *Eyerman R.* The Past in the Present. Culture and the Transmission of Memory // Acta Sociologica. 2004. Vol. 47 (2). P. 159–169. DOI:10.1007/978-3-030-13507-2_2
- Fox 2006 – *Fox J.E.* Consuming the Nation: Holidays, Sports, and the Production of Collective Belonging // Ethnic and Racial Studies. 2006. Vol. 29, № 2. P. 217–236. DOI: 10.1080/01419870500465207
- Geng 1997 – *Geng C.* Marketing Strategies in a Multi-Ethnic Environment // Journal of Marketing Theory and Practice. 1997. Vol. 5, № 1. P. 122–134.
- Hobsbawm 1983 – *Hobsbawm E.* Introduction. Inventing Traditions // The Invention of Tradition. Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1–14.
- Kuligowski 2014 – *Kuligowski W.* On New Meanings of Tradition. Globalization, Politics and Questions for Anthropology // Český lid. 2014. Vol. 101, № 3. P. 321–334.
- Oberholtzer 1995 – *Oberholtzer C.* The Re-Invention of Tradition and the Marketing of Cultural Values // Anthropologica. 1995. Vol. 37, № 2. P. 141–153.
- Ruane 2017 – *Ruane D.* “Wearing Down of the Self”: Embodiment, Writing and Disruptions of Identity in Transformational Festival Fieldwork // Methodological Innovations. 2017. Vol. 10 (1). P. 1–11.
- Schnell 2003 – *Schnell S.M.* Creating Narratives of Place and Identity in “Little Sweden, U.S.A.” // Geographical Review. 2003. Vol. 93, № 1. P. 1–29.
- Strother 1995 – *Strother Z.S.* Invention and Reinvention in the Traditional Arts // African Arts. 1995. Vol. 28, № 2. P. 24–33.
- Wrzen 2010 – *Wrzen L.* Daughters of Tradition, Mothers of Invention: Music, Teaching, and Gender in Evolving Contexts // Yearbook for Traditional Music. 2010. Vol. 42. P. 41–46.

REFERENCES

- Veretennikova M.Yu., Meteleva M.A., 2016. Content of Summer Ethnic Udmurt Festival Gerber. *V mire nauchnykh otkrytiy: materialy V Vseros. stud. nauch. konf.* Ul'yanovsk, Ul'yan. gos. s.-kh. akad. im. P.A. Stolypina, pp. 66–68. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.205
- Kirchanov M.V., 2020. Aryan Myth as a Frontier Case of the Invention of Tradition and Historical Imagination of Nonwestern Nationalisms. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*, no. 2, pp. 122–157. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.205
- Kurennoy V.A., 2017. Strength of Weak Ties. Citizen and Right to Be Alone. *Gorozhanin. Chto my znaem o zhitele bol'shogo goroda*. Moscow, Strelka Press, pp. 14–29.
- Makashova A.S., 2013. State Holidays in the History of Russian Culture and the Concept of “Images of Tradition” by E. Hobsbawm. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, no. 4 (29), pp. 114–118.
- Malakhov V.S., 2018. The Invention of Tradition as a Meme and as a Feature of Socio-Cultural Reality: Eric Hobsbawm and His Co-Authors in the Post-

- Soviet Context. *Politika kul'tury*, no. 3 (119), pp. 236-245.
- Nikoglo D.E., 2019. Elements of Gagauz Material Culture as a Source for the "Invention" of Tradition. *ABYSS (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noy antropologii)*, no. 2 (8), pp. 98-103.
- Ozerova K.A., 2018. The Heritage of Volga Bulgaria and Regional Identity: The Politics of Memory and the "Invention" of Traditions. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, vol. 10, no. 2/2, pp. 127-132. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132
- Rakhinskiy D.V., Illarionov G.A., Gorodishcheva A.N., Knyazev N.A., 2021. Instrumental Approach to Tradition in Conceptual and Social Contexts. *Sotsiodinamika*, no. 3, pp. 1-11. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.3.35210
- Svistunov A.V., 2018. Invention and Reconstruction of Tradition in Modern Societies. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, vol. 7, no. 5, pp. 86-94.
- Ssorin-Chaykov N.V., 2011. From the Invention of Tradition to the Ethnography of the State: Podkamennaya Tunguska, 1920s. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 9, no. 1, pp. 7-44.
- Tezich M.D., 2011. The Construction of National Identity Among the Peoples of Southern Siberia in the Period of Transformation. *Vestnik SPbGU, Series 12*, iss. 3, pp. 293-298.
- Khlynina T.P., 2013. The Formation of Soviet National Policy: between the Invention of Tradition and imaginary Communities. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, no. 3, pp. 83-95.
- Shishkina E.V., 2021. Festivals as Modern Ways of Preserving and Broadcasting Traditional Udmurt Culture. *Rodnoy yazyk kak faktor kul'turnoy identichnosti: materialy Mezhrregion. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Izhevsk, AUK UR "Natsional'naya biblioteka Udmurtskoy Respubliki", pp. 131-137.
- Ajotikar R., van Straaten E.-M., 2021. Postcolonial Sound: Challenges and Potentials. An Introduction. *The World of Music*, no. 10, pp. 5-20.
- Briggs Ch.L., 1996. The Politics of Discursive Authority in Research on the "Invention of Tradition". *Cultural Anthropology. Resisting Identities*, vol. 11, no. 4, pp. 435-469.
- Desai G., 1993. The Invention of Invention. *Cultural Critique*, no. 24, pp. 119-142.
- Eyerman R., 2004. The Past in the Present. Culture and the Transmission of Memory. *Acta Sociologica*, vol. 47 (2), pp. 159-169. DOI:10.1007/978-3-030-13507-2_2
- Fox J.E., 2006. Consuming the Nation: Holidays, Sports, and the Production of Collective Belonging. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 217-236. DOI:10.1080/01419870500465207
- Geng C., 1997. Marketing Strategies in a Multi-Ethnic Environment. *Journal of Marketing Theory and Practice*, vol. 5, no. 1, pp. 122-134
- Hobsbawm E., 1983. Introduction. Inventing Traditions. *The Invention of Tradition. Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983, pp. 1-14.
- Kuligowski W., 2014. On New Meanings of Tradition. Globalization, Politics and Questions for Anthropology. *Český lid*, vol. 101, no. 3, pp. 321-334.
- Oberholtzer C., 1995. The Re-Invention of Tradition and the Marketing of Cultural Values. *Anthropologica*, vol. 37, no. 2, pp. 141-153.
- Ruane D., 2017. "Wearing Down of the Self": Embodiment, Writing and Disruptions of Identity in Transformational Festival Fieldwork. *Methodological Innovations*, vol. 10 (1), pp. 1-11.
- Schnell S.M., 2003. Creating Narratives of Place and Identity in "Little Sweden, U.S.A.". *Geographical Review*, vol. 93, no. 1, pp. 1-29.
- Strother Z.S., 1995. Invention and Reinvention in the Traditional Arts. *African Arts*, vol. 28, no. 2, pp. 24-33.
- Wrazen L., 2010. Daughters of Tradition, Mothers of Invention: Music, Teaching, and Gender in Evolving Contexts. *Yearbook for Traditional Music*, vol. 42, pp. 41-46.

Information About the Author

Tatiana A. Vlasova, Candidate of Sciences (Philosophy), Assistant Professor, Department of Philosophy and Humanity, Udmurt State University, Universitetskaya St, 1, 426034 Izhevsk, Russian Federation, tavlasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-3214>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Власова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин, Удмуртский государственный университет, ул. Университетская, 1, 426034 г. Ижевск, Российская Федерация, tavlasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-3214>